

DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660

Представительство мусульман в органах самоуправления российских регионов во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вятской губернии)

А.М. Субботина

Удмуртский институт истории языка и литературы
Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426004, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4
anmisu@yandex.com; annnamisu@gmail.com

Аннотация: В статье проводится анализ представительства мусульманских народов в органах волостного, земского и городского самоуправления Вятской губернии Российской империи в 1860–1916 гг. Изучение ситуации в Вятской губернии показывает, каков был правовой статус мусульман на тех российских территориях, где распространился ислам. Исследование опирается на материалы Государственного архива Кировской области и периодических изданий. Мусульманами в регионе были татары и башкиры. Их число было разным в разных районах провинции. Автор проводит сравнительный анализ участия мусульман в волости, земстве и городском самоуправлении. Исследователь утверждает, что в мусульманских районах провинции их представители участвовали в самоуправлении разного уровня, но не было прямой связи между количеством мусульманского населения и количеством мусульманских представителей в городских советах, земстве и волостных советах. Автором делается вывод о влиянии на мусульманское представительство комплекса факторов. В числе наиболее важных факторов выделены установленные законодательством правовые нормы, количество мусульман среди избирателей разных категорий, авторитет кандидатов, позиция избирательных собраний и местной администрации. В законодательных актах установлены правовые нормы для формирования представительства. Максимальная доля нехристиан определялась только в городских собраниях. На конечный результат также повлияло количество мусульман среди избирателей разных категорий, полномочия кандидатов, положение избирательных собраний и местная администрация. В большей степени состав населения отражал земское и волостное самоуправление. Очень небольшое число мусульманских граждан среди владельцев права на владение недвижимостью стало причиной их слабого участия в городской думе.

Ключевые слова: мусульмане, татары, башкиры, земство, городская дума, волостной старшина, Вятская губерния

Для цитирования: Субботина А.М. Представительство мусульман в органах самоуправления российских регионов во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вятской губернии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Том 17. № 3. С. 639–660. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660

Введение

Реформы в России во второй половине XIX – начале XX в. способствовали введению в общественную практику демократических институтов, формировавшихся на основе выборного представительства населения соответствующих территорий. Отмена крепостного права привела к реформированию крестьянского общественного управления. На уровне губерний, уездов, городов действовали органы земского и городского самоуправления. Несмотря на то, что выборы не носили всеобщий и равный характер, земские собрания и городские думы объединили людей разных сословий, этнических и конфессиональных групп для совместного решения социально-экономических и культурных задач. Возможность участия в работе новых учреждений получили и мусульманские народы. Степень этого участия зависела от разных факторов, включая и региональные особенности. В настоящей статье на примере Вятской губернии рассматривается вопрос о представительстве татар и башкир в органах волостного, земского и городского самоуправления.

В исторической литературе последних лет получило распространение мнение, что реформы Александра II и постреформенный период способствовали изменению взаимоотношений Российской империи с ее мусульманскими подданными¹. Татары и другие нерусские народы, за исключением жителей окраин, постепенно интегрировались в государственные и местные институты. Интерес к мусульманскому представительству характерен для исследователей тех регионов России, где традиционно мусульманские народы занимали значительное место в структуре населения. В работах большинства авторов отмечается, что в учреждениях земского и городского самоуправления этих территорий тюрко-мусульманский компонент присутствовал, несмотря на существование ограничивающих факторов.

¹ *Kirmse S.B.* New Courts in Late Tsarist Russia: On Imperial Representation and Muslim Participation // *Journal of Modern European History*. 2013. Vol. 11. №. 2. P. 243–263. https://doi.org/10.17104/1611-8944_2013_2_243; *Naganawa N.* Transimperial Muslims, the Modernizing State, and Local Politics in the Late Imperial Volga-Ural Region // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. №. 2. P. 417–436. <https://doi.org/10.1353/kri.2017.0027> и др.

Так, Г.Б. Азаматова делает вывод о заметном представительстве башкир и татар в Бирском, Стерлитамакском и Белебеевском уездных земствах Уфимской губернии до введения Положения 1890 г. По ее данным, среди мусульманских гласных земских собраний были крестьяне, помещики и татарские мурзы (Еникеевы, Терегуловы). В числе сдерживающих факторов присутствия данной категории населения в земстве исследователь называет особый порядок формирования волостных сходов у башкир, незнание русской грамоты, негативную позицию губернской администрации в отношении представительства в земстве мусульман².

На схожие проблемы в вопросе участия мусульман в земских собраниях Самарской губернии указывает в своих работах Л.М. Владимирова³. Она замечает, что, несмотря на отсутствие законодательных преград, данная категория гласных была слабо представлена в органах самоуправления региона. Малочисленность мусульманских представителей исследователь связывает с невысоким социально-правовым статусом, особенностями выборов от сельских обществ, отношением самих избирателей к земству.

А.А. Задерейчук, рассматривая Таврическое земство, указывает, что еще дореволюционный исследователь Б.Б. Веселовский отмечал значительную долю татар в крымских уездах среди гласных земских собраний как от сельских обществ, так и от дворян⁴.

Изучив подробно состав Таврического губернского земского собрания, сама А.А. Задерейчук делает вывод об увеличении в нем численности татар в начале XX в. Она объясняет этот факт ростом самосознания крымских татар, что выразилось в желании лоббировать свои интересы в земстве⁵. Нужно добавить, что изменения в составе земских собраний на-

² Азаматова Г.Б. Земское самоуправление на Южном Урале: опыт реализации и региональные особенности (1874–1917 годы) // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2015. № 6. С. 59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24075310> (дата обращения: 12.02.2018).

³ Владимирова Л.М. Самарское земство и крестьяне-мусульмане губернии (1865–1914 гг.). Казань, 2016.; Владимирова Л.М. Участие мусульман-гласных в деятельности Самарского земства // *Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья*. Казань, 2011. Вып. 2. С. 338–346.

⁴ Задерейчук А.А. Избирательные кампании в органы земского самоуправления Таврической губернии: крымско-татарская специфика // *Электронное научное издание Альманах Пространство и время*. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184299> (дата обращения: 05.02.2018).

⁵ Задерейчук А.А. Участие крымских татар в Таврическом губернском земском собрании // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2013. № 35. С. 70.

чала XX в. были также связаны с вызванными Первой русской революцией послаблениями в вопросе выборов в земском законодательстве.

Что касается Казанской губернии, то в ней, по мнению Г.Р. Зигангировой, наиболее активные представители татар-мусульман стремились использовать имевшуюся у них возможность участия в работе земских собраний и городских дум для решения этноконфессиональных проблем. По ее данным, особенно выделялись в этом вопросе два уезда: Казанский и Мамадышский⁶.

Р.Р. Салихов делает вывод о том, что в Казанской городской думе татарская буржуазия образовала крепкую мусульманскую группу (в состав которой входили врач, юристы, педагоги, имамы), деятельность которой была направлена на защиту прав и развитие культуры татарского народа. В земстве требования татарской и мусульманской общественности, по мнению Р.Р. Салихова, стали заметны начиная с 1890-х гг⁷.

Рост общественной активности мусульман, в том числе и в борьбе за равное представительство в земских органах, в годы Первой мировой войны и предвоенный период отмечает С.М. Исхаков. По его мнению, мусульманское движение подпитывалось нежеланием правительства решать насущные проблемы мусульман⁸.

Понять, насколько далеко могли пойти российские законодатели в решении вопроса о мусульманском представительстве в условиях роста общественной активности этой категории населения, помогает обращение к истории Государственной думы. С.И. Алиева и Ф.М. Кулиев оценивают появление мусульманской фракции в Государственной думе как следствие активизации в годы Первой русской революции мусульманского движения и уступок со стороны правящих верхов. Рассматривая деятельность депутатов-мусульман во всех четырех Думах, данные авторы отмечают их единение в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы своих избирателей: свобода вероисповедания, управление мусульманами, конфессиональное образование, переселенческая политика⁹.

⁶ Зигангирова Г.Р. Система органов местного самоуправления Казанской губернии в середине XIX – начале XX вв. (организация и место в общественно-политической жизни). Автореферат дисс. ... к.и.н. Казанский государственный ун-т, 2003. С. 22.

⁷ Салихов Р.Р. Общественно-реформаторская деятельность татарской буржуазии Казани (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. ... к.и.н. Казанский государственный ун-т, 1998. С. 17–18.

⁸ Исхаков С.М. Мировая война и мусульманская общественность в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 37.

⁹ Алиева С.И., Кулиев Ф.М. Законотворческая деятельность депутатов-мусульман в Государственной думе российской империи (1906–1917 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2017. № 3. С. 6.

Д.М. Усманова, отмечая обусловленную избирательным законом «декоративность» участия нерусского меньшинства в парламенте, на первый план выносит репрезентативную функцию. Не имея возможности реально влиять на решения Государственной думы в силу своей малочисленности, депутаты-мусульмане стремились быть в ней «гласом народа», представлять и защищать интересы своих единомышленников. Автор также считает, что значительной была роль думских депутатов в мусульманском сообществе соответствующих регионов¹⁰.

Специальное внимание позиции мусульманских депутатов в Государственной думе в этноконфессиональном контексте уделяет Р.А. Циунчук, который считает, что малочисленность национальных фракций при сильном противодействии правоцентристского думского большинства и отсутствии ответных шагов российского правительства не способствовала решению национального вопроса, что в итоге привело к распаду империи¹¹. Ю.А. Лысенко также отмечает, что мусульманским депутатам в Государственной думе не удалось добиться отмены законодательных ограничительных норм относительно политических и религиозных прав мусульман среднеазиатских окраин¹². На роль депутатов из числа башкир и татар Уфимской губернии в Государственной думе обратил внимание в своей работе М. Кутлугаллямов¹³.

Ближе других к вопросам, рассматриваемым в настоящей статье, подошел А.М. Рафиков. Исследуя татарское купечество Вятской губернии, он затрагивает и проблему участия его представителей в земских и городских органах. Опираясь на выводы Ф.Ф. Нигамедзинова и И.К. Загидуллина, А.М. Рафиков отмечает заметное влияние татарского купечества в органах самоуправления Казанской губернии. В отличие от данного региона, по мнению исследователя, в соседней Вятской губернии сложилась иная ситуация в области мусульманского представительства. Малочисленность татарских гильдейских купцов в большинстве уездов Вятской губернии, особенности менталитета не способствовали их активному участию в об-

¹⁰ Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в Российской империи // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 118, 124.

¹¹ Циунчук Р.А. Национальный вопрос в Государственной думе накануне и во время Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 91–109.

¹² Лысенко Ю.А. Представители Степного края и Туркестана в российском парламенте: опыт фракционного взаимодействия в решении региональных этносоциальных проблем // Былые годы. 2017. Т. 44. № 2. С. 624. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.2.616>

¹³ Кутлугаллямов М. Депутат от народа. У истоков парламентаризма в России // Ватандаш. Уфа. 2017. № 9. С. 3–32.

щественной жизни. Исключением были Елабужский и Малмыжский уезды Вятской губернии, где купцы-татары принимали участие и в земских собраниях, и в городских думах¹⁴. Вместе с тем, анализируя поименно деятельность мусульман-купцов в органах самоуправления, А.М. Рафиков не всегда точен относительно некоторых из них.

В имеющихся исследованиях рассматривается проблема мусульманского представительства либо в аспекте деятельности органов самоуправления (земского или городского), либо в контексте присутствия в этих учреждениях конкретных социальных групп (купцов, буржуазии, крестьян), либо как показатель общественно-политической активности мусульман. Автор настоящей статьи также затрагивал тему участия мусульманских народов в земствах Вятской губернии в предыдущих своих работах¹⁵. Новое исследование предлагает подойти к решению проблемы более широко и обратиться к сравнительному анализу присутствия татар и башкир в разных органах самоуправления края: волостных правлениях, земских собраниях и городских думах. Каждое из названных учреждений имело свои особенности с точки зрения возможностей участия в них мусульман. Выявление и изучение этих особенностей позволяет сформировать новый, более целостный взгляд на проблему мусульманского представительства в органах самоуправления в регионах проживания последователей ислама.

Статья основана на количественном и качественном анализе комплекса опубликованных и архивных источников, в число которых входят законодательные акты, делопроизводственные и статистические документы, материалы периодической печати. Для понимания правовых норм формирования мусульманского представительства в органах самоуправления важно обращение к законодательству изучаемого периода, посвященному крестьянской, земской и городской реформам. Тексты законодательных актов анализируются автором по дореволюционным изданиям, в частности, «Полному собранию законов Российской империи» (ПСЗРИ)¹⁶, «Положению о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями,

¹⁴ Рафиков А.М. Формирование и деятельность татарского купечества в Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... к.и.н. Ярославский государственный ун-т, 2012. С. 158–192.

¹⁵ Субботина А.М. Социально-демографическая характеристика крестьянских гласных земских собраний 1890-х гг. По материалам Государственного архива Кировской области // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193>

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). СПб., [Б.и.]. 1863. Т. 36.; ПСЗРИ-2. СПб. 1974. Т. 45. Отд. 1; ПСЗРИ-3. СПб., 1891. Т. 9; ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12; ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1.

судебными и правительственными разъяснениями», «Положению о земских учреждениях 12 июня 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями»¹⁷.

Статистические источники представлены прежде всего многотомными «Материалами по статистике Вятской губернии» (1886–1900), в которых содержатся подробные сведения по населенным пунктам и волостям каждого из 11 уездов губернии. Имеющиеся в издании данные позволяют определить место татар и башкир в структуре населения края, характер их занятости, уровень образования и др. Важное значение для определения численности тюрко-мусульманского населения в разных уездах и городах региона имеют данные Всероссийской переписи населения 1897 г., которые нашли отражение в «Памятной книжке о Вятской губернии на 1907 г.»¹⁸

Используемые при подготовке статьи периодические издания включают в себя, помимо упомянутых ежегодных памятных книжек Вятской губернии, газету «Вятские губернские ведомости». К исследованию привлечены опубликованные в этих изданиях списки гласных земских собраний и городских дум, членов земских и городских управ за период с 1866 по 1916 г. Отдельное внимание уделяется изучению списков земских и городских избирателей, обладавших необходимым имущественным цензом, которые также публиковались перед каждым выборами в газете «Вятские губернские ведомости». Земские выборы проходили в губернии с 1866 г. раз в три года. Первые городские выборы в крае состоялись в 1870–1871 гг. и впоследствии повторялись через каждые четыре года.

Более подробную информацию о составе органов самоуправления содержат материалы делопроизводства действовавших в Вятской губернии учреждений, которые хранятся в Государственном архиве Кировской области (ГА КО). Ценность для данного исследования представляют содержащиеся в нем документы по земским выборам 1894 г. из фонда Канцелярии вятского губернатора (Ф. 582) и списки волостных старшин по Сарапульскому уезду за 1893 г. из фонда Губернского правления (Ф. 584).

Доступные автору источники позволяют раскрыть цель сравнительного исследования представительства мусульман в разных органах самоуправления Вятской губернии: волостных правлениях, земских собраниях и

¹⁷ Мыш М.И. Положение о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1883; Он же. Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Изд-е 2-е. СПб., 1896.

¹⁸ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. Вятка, 1907. Отд. I. С. 24–29.

управах, городских думах и управах. Каждый из трех уровней самоуправления рассматривается в исследовании на основе выявления региональной специфики. Вятская губерния и входящие в нее уезды имели свои особенности, которые оказывали влияние на состав волостных, земских и городских учреждений. Вопрос об участии приверженцев ислама в том или ином органе самоуправления решается автором с учетом их территориального расселения, действовавших правовых норм, а также выборной практики.

Тюрко-мусульманское население Вятской губернии

Вятская губерния во второй половине XIX – начале XX в. представляла собой полиэтничный и поликонфессиональный регион. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., на ее территории проживало чуть более 3 миллионов человек. Из них – 77,45% русских, 12,47% удмуртов, 4,78% марийцев, 4,14% татар, 0,46% башкир, 0,7% других народов. Общее количество татар и башкир в крае насчитывалось 139423 человека¹⁹.

Разнообразной была и конфессиональная ситуация. Относительная удаленность от столицы способствовала распространению здесь старообрядчества. В среде татарского и башкирского населения отдавалось предпочтение исламу. По сведениям Всероссийской переписи 1897 г., православные в губернии составляли 92,14%, старообрядцы – 3,17%, мусульмане – 4,27%, другие конфессии – 0,42%. Среди мусульман края насчитывалось 65186 мужчин и 64342 женщины²⁰.

Тюрко-мусульманское население было неравномерно расселено по территории края. Из 11 уездов Вятской губернии наибольшее число татар проживало в Елабужском и Малмыжском, где они в несколько раз превышали губернский показатель. В том же 1897 г. в Елабужском уезде насчитывалось 16,27% татар, в Малмыжском – 18,62%. Значительно меньшим было присутствие татар в Уржумском (4,82%), Глазовском (2,14%), Слободском (2%) и Сарапульском (1,77%) уездах²¹. В остальных уездах губернии количество татар колебалось от нескольких десятков до нескольких сотен человек.

В отличие от татар, башкиры проживали не во всех уездах губернии. Основная их часть приходилась на Елабужский и Сарапульский уезды, где их доля составляла соответственно 3,65% и 1,25%. Указанные уезды были также наиболее представительными по количеству мусульман. В Елабужском уезде

¹⁹ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 г. Вятка, 1907. Отд. I. С. 24, 26.

²⁰ Там же. С. 28–29.

²¹ Там же. С. 24, 26.

ислам исповедовали 17,17%, в Малмыжском – 16,56%, в Уржумском – 4,67%, в Сарапульском – 3,84%, в Слободском – 1,96% населения. В остальных уездах мусульмане составляли сотые доли процента²². Наиболее представительными по числу мусульман городами в губернии были Елабуга, Малмыж и Сарапул, в каждом из которых их количество превышало 400 человек.

Присутствие в Вятской губернии тюрко-мусульманского населения объясняется историей заселения края, близостью Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний. В сельской местности существовали не только отдельные поселения, но и целые волости локального проживания татар и башкир. Среди них можно назвать Терсинскую и Салаушскую волости Елабужского уезда, Агрызскую и Исембаевскую волости Сарапульского уезда, Янгуловскую и Кошкинскую волости Малмыжского уезда.

Локальное проживание способствовало тому, что в мусульманских деревнях сложилась своя достаточно закрытая от внешних влияний культурная среда с сильным исламским компонентом. Анализируя статистические данные, С. Нурминский указывал, что в 1871 г. в Уржумском уезде на 18 татаро-мусульманских селений приходилось 11 мечетей. Он писал: «Во всех деревнях, где есть мечеть, есть и школа, а в которой деревне две мечети, там две школы, как в Паранге и Алшайке»²³. В этом он видел одну из причин «устойчивости» местных мусульман, их приверженности своей религии, языку и культуре.

Такая закрытость приводила к нежеланию значительной части мусульманского населения края отдавать своих детей в русские школы, изучать русский язык, принимать участие в работе уездных и губернских учреждений. В свою очередь, незнание русского языка рассматривалось губернской администрацией как важное препятствие их эффективной деятельности в составе органов самоуправления. Несмотря на указанные сдерживающие факторы, как показывают имеющиеся документы, в районах проживания татар и башкир Вятской губернии мусульмане имели возможность участвовать в волостных, земских и городских выборах. Степень этого участия была разной и зависела от многих обстоятельств.

Участие мусульман в волостных органах Вятской губернии

Органы крестьянского самоуправления были представлены на уровне сельских обществ и волостей. Выборными должностями были сельский староста, волостной старшина, помощники волостного старшины, сбор-

²² Памятная книжка Вятской губернии... С. 28–29.

²³ Нурминский С. Статистические сведения по церковным приходам Уржумского уезда. (Окончание) // Вятские губернские ведомости. 1871. № 39. С. 4.

щики податей и заседатели волостных правлений. Избирались они в зависимости от уровня либо сельскими, либо волостными сходами из числа членов соответствующих сельских обществ²⁴. Поэтому состав сельских и волостных органов напрямую зависел от структуры местного населения. Если сельское общество или волость полностью были сформированы из представителей определенной конфессии, то они и занимали должности крестьянского самоуправления.

Сложнее было в волостях со смешанным населением. Г.В. Бурлова отмечает наличие законодательных ограничений по конфессиональному принципу для избрания в волостные старшины для старообрядцев, в отличие от других должностей волостных правлений²⁵. Свое влияние на состав сельских и волостных органов оказывали осуществлявшие надзор за их деятельностью мировые посредники, а потом земские начальники. Они же утверждали в должности избранных на сходах волостных старшин²⁶.

Имеющиеся данные по составу органов крестьянского самоуправления Вятской губернии подтверждают, что преобладание мусульман среди населения определенной волости обеспечивало занятие ими выборных должностей. В списке волостных старшин по Сарапульскому уезду Вятской губернии за 1893 г., на тот момент включавшему 39 волостей, только четверо не принадлежали к православной вере. Среди них указаны и два мусульманина. Это – волостной старшина Исембаевской волости (с 1892 г.) З.Н. Аминов 38-ми лет и волостной старшина Агрызской волости (с 1889 г.) Н. Гайнуллин 45-ти лет²⁷. В обеих волостях проживало преимущественно мусульманское население. Согласно «Материалам по статистике Вятской губернии», в Агрызской волости основная доля населения приходилась на татар-мусульман. В Исембаевской волости помимо татар ислам исповедовали и башкиры.

О приверженности населения волостей исламу свидетельствует тот факт, что к началу 1890-х гг. здесь не было ни одной православной церкви. И напротив, практически в каждом населенном пункте располагались мечеть и мусульманская школа. В крупных поселениях могло действовать

²⁴ ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36. С. 158.

²⁵ Бурлова Г.В. Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 3. С. 49.

²⁶ ПСЗРИ-3. СПб., 1891. Т. 9. С. 510–524.

²⁷ Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 584. Оп. 4. Д. 1731. Л. 65–66, 169–170.

сразу несколько мечетей и школ. В деревне Исенбай, например, было три мечети (одна строилась), а обучение детей вели четыре муллы²⁸.

Волостной старшина был важной фигурой в крестьянском самоуправлении и в отношениях с внешним миром. На него возлагались самые разные функции, к числу которых относились созыв волостного схода, вынесение на его рассмотрение дел, исполнение приговоров, наблюдение за мирскими капиталами и имуществами, сельскими и волостными должностными лицами, исполнением государственных и других повинностей, соблюдением порядка в волости, выдача документов для получения крестьянами паспортов, позволявших им покидать место жительства, и др.²⁹ Крестьяне-мусульмане, избирая волостного старшину из своей среды, руководствовались прежде всего его хозяйственными и личностными качествами, которые обеспечивали ему уважение и влияние в обществе.

Авторитет среди крестьян волости был важной характеристикой волостного старшины и для надзорных и административных органов. В то же время знание им русской грамоты было не столь важным, как для кандидатов в земские или городские учреждения. В распоряжении волостного старшины находился писарь, ведший все делопроизводство. Даже среди русских, занимавших эту должность в своих волостях, далеко не все были грамотными.

Представительство мусульман в вятских земствах

Земская система выборов, неоднократно подвергавшаяся реформированию, предоставляла право участия в органах самоуправления налогоплательщикам соответствующих территорий в зависимости от имущественного ценза или принадлежности к сельскому обществу. Положения о земских учреждениях 1864 и 1890 г. не содержали ограничений по религиозному принципу. В этой связи мусульмане могли участвовать в выборах и по цензовым куриям, и от сельских обществ на равных условиях с христианами. В городе, волости и уезде количество мусульман, имевших право быть избранными, было значительным, их представители имели реальный шанс войти в состав земских собраний.

До 1917 г. земства существовали на уровне уездов и губерний. Административно-территориальное устройство земских губерний было таково, что правительство могло не опасаться абсолютного преобладания мусульман в земстве. Тем более что оно имело возможность регулировать состав

²⁸ Сарапульский уезд. Подворная опись // Материалы по статистике Вятской губернии: Вятка, 1892. Т. VII. Ч. 2. Прил. С. 3, 51–55.

²⁹ ПСЗРИ-2. СПб., 1863. Т. 36. С. 153–154.

земских собраний, законодательно устанавливая количество гласных от разных избирательных курий и наделяя губернатора и другие административные органы дополнительными полномочиями. По Положению 1890 г. губернатор утверждал гласных от сельских обществ из числа избранных кандидатов, что значительно увеличивало его возможности влиять на состав земских собраний³⁰.

Первые земские собрания и управы в Вятской губернии начали свою работу в 1867 г. Имеющиеся материалы показывают, что мусульмане избирались в земские гласные в уездах, где они были преимущественно расселены, как по ценовым куриям, так и от сельских обществ. Но их количество было невелико в процентном соотношении к общему числу гласных. Наиболее представительным по числу мусульман было Елабужское уездное земское собрание, где их количество в отдельные созывы могло достигать пяти человек и 25% состава. Неслучайно, что именно Елабужское земство поставляло мусульманских представителей из числа своих гласных в Вятское губернское земское собрание. Гласные-мусульмане избирались в Елабужском уезде и по ценовым куриям, и от сельских обществ. Среди обладателей полного имущественного ценза были чаще всего землевладельцы. Мусульмане-купцы в Елабужском уездном земском собрании в единичном числе стали появляться с 1880-х гг. Можно назвать купцов М.Р. Исмагилова, Ш.З. Зайтова, М.В. Альмухаметова.

Интересы женщин-мусульманок, обладавших необходимым имущественным цензом, в земстве защищали их представители мужского пола. Это могли быть родственники, а в Вятской и некоторых других губерниях, испытывавших недостаток проживающих в них земельных собственников, и управляющие. В последнем случае конфессиональный фактор не всегда учитывался. В 1894 г., например, в Елабужское собрание как управляющий княгини З. Чингиз прошел агроном Д.С. Пащевский.

Поскольку количество избирателей-цензовиков, приходивших на выборы, было невелико, гласными на протяжении многих лет оказывались одни и те же лица. Так, землевладельцы М.Я. Юнусов и И.А. Муратов были в числе гласных с первых лет существования земства до конца 1880-х гг. Крестьяне-мусульмане избирались от тех волостей, где они локально проживали. В Елабужском уездном земском собрании это были обычно представители сельских обществ Терсинской и Салаушской волостей. В отличие от гласных, избранных по ценовым куриям, фамилии мусульман-крестьян в земстве менялись в каждом созыве. Несмотря на постоянное присутствие мусульманских гласных в Елабужском собрании, в состав уездной земской

³⁰ *Мыш М.И.* Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г. С. 52.

управы они стали входить только в начале XX в. (с 1906 г. трижды членом управы избирался крестьянин А. Музафаров и один раз князь И. Чингиз). В качестве одной из причин этого можно назвать наличие более строгих требований закона к кандидатам в члены и председатели земских управ.

В Малмыжском уезде, несмотря на столь же значительное число мусульман в структуре населения, как и в Елабужском, сложилась совсем иная ситуация с их представительством в земских собраниях. Среди обладателей необходимого имущественного ценза было очень мало мусульман. Поэтому они крайне редко проходили по цензовым куриям. Можно назвать потомственного почетного гражданина Г.Ш. Утямышева, избравшегося гласным Малмыжского уездного земского собрания в 1891 и 1894 гг.

Гораздо чаще мусульмане входили в состав земских собраний уезда как крестьянские представители сельских обществ Кошкинской, Янгуловской и других волостей, где их число было значительным.

Общее количество мусульман в Малмыжском уездном земском собрании обычно колебалось от одного до двух человек. Ситуация изменилась в начале XX в., когда в 1906 г. были отменены избирательные ограничения для крестьян, что стало одним из следствий Первой русской революции³¹. В 1909 г. в состав Малмыжского земского собрания прошли четыре мусульманина (21%). Все они были крестьянами и прошли в собрание как от сельских обществ, так и по цензовой курии. Среди обладателей необходимого ценза был «яичный король» Г. Хамидуллин, происходивший из крестьян Нижнечетаевской волости, население которой наполовину состояло из татар³². Он прослужил в звании гласного в общей сложности более десяти лет в 1903–1906 и 1909–1917 гг. Его активная предпринимательская деятельность не только в уезде, но и в Малмыже позволяла ему, как будет показано далее, участвовать и в городских выборах.

Схожее положение было в Сарапульском и Уржумском уездах, где в отдельные годы крестьяне-мусульмане определенных волостей избирались в гласные земских собраний. В Сарапульское собрание они проходили в 1867, 1906, 1909 гг. и представляли Агрызскую или Исембаевскую волости. В Уржумском земском собрании до начала 1880-х гг. это были представители Турекской волости, где, по данным земской статистики, проживало более 10 тысяч татар³³.

³¹ ПСЗРИ-3. СПб., 1909. Т. 26. Отд. 1. С. 893.

³² Рафиков А.М. Новые исследовательские подходы к изучению истории татарского купечества Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1. С. 58.

³³ Уржумский уезд // Материалы по статистике Вятской губернии. Вятка, 1887. Т. II. Ч. 2. Отд. 2. Табл. № 2. С. 80.

Данные по земским выборам 1894 г. свидетельствуют, что на крестьянское представительство в земстве оказывала влияние позиция губернатора и земских начальников. В этом году было избрано от сельских обществ губернии восемь представителей татар и башкир. Из них губернатор утвердил только двоих. Гласным Малмыжского уездного земского собрания стал прошедший военную службу, владевший русской и татарской грамотой сорокалетний И. Абдуллин, избранный крестьянами от Янгуловской волости. Председатель Малмыжского уездного съезда, представляя его губернатору, отмечал, что И. Абуллин знает русскую грамоту и будет «лучшим представителем» из числа избранных крестьянами татар. Более того, он считал желательным участие в земском собрании гласного из татар для решения связанных с ними вопросов, поскольку они составляют четверть населения уезда³⁴.

В Елабужское уездное земское собрание вошел крестьянин татарской деревни Камаевой Кураковской волости неграмотный И. Минячев, которому на момент избрания было 59 лет³⁵. До этого момента он много лет служил на выборных должностях в волостных органах, был сборщиком податей, волостным судьей, заседателем, что говорит об его авторитете среди крестьян. Можно предположить, что именно данное обстоятельство стало весомым аргументом для утверждения губернатором И. Минячева в звании земского гласного. Его избрание также интересно тем, что население Кураковской волости, в отличие от Янгуловской, было смешанным. Татары здесь составляли только половину жителей, другая половина приходилась на русских и в несколько раз уступавших им по численности удмуртов и марийцев. При этом крестьянами Турекской волости Уржумского уезда (схожей по соотношению татар с русскими и марийцами) при выборе кандидата в земские гласные предпочтение было отдано представителю другой этноконфессиональной группы, нежели в Кураковской волости. Им стал грамотный сорокапятiletний православный К.Т. Головизнин, который однако не был утвержден губернатором³⁶.

Наличие среди избирателей отдельных уездов Вятской губернии значительного количества мусульман обеспечивало их достаточно постоянное присутствие в составе соответствующих земских собраний. На количественные показатели представительства влияла совокупность факторов. Избрание по цензовым куриям требовало от кандидатов обладания необ-

³⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 122. Д. 21. Л. 146 об.

³⁵ Там же. Д. 43. Л. 102–105.

³⁶ Там же. Д. 8. Л. 26.

ходимым имущественным цензом. Выбор гласных от сельских обществ зависел не только от состава населения волости, но также от авторитета кандидатов, позиции земских начальников, губернатора и проч.

Мусульманское представительство в городском самоуправлении Вятской губернии

В отличие от земского законодательства, Городовое положение 1870 г. уже устанавливало процентное соотношение между представителями христиан и остальных конфессий. Доля последних должна была составлять не более одной трети городских управ³⁷. Вышедшее в 1892 г. новое положение ввело ограничение и для городских дум. Количество нехристиан в них не должно было превышать одной пятой. Отступление от этой нормы допускалось с разрешения министра внутренних дел в городах, где по причине малочисленности христиан было невозможно ее соблюсти³⁸.

В Вятской губернии основным сдерживающим фактором представительства мусульман в органах городского самоуправления был имущественный ценз. Выборы в городские думы носили цензовый характер. Городовое положение 1870 г. наделяло избирательными правами городских обывателей, проживших в городе не менее двух лет и плативших в пользу города налоговые сборы с недвижимых имуществ, купеческих, промысловых, приказчиных первого разряда свидетельств и с билетов на содержание промышленных заведений. Размер ценза не был установлен, но избиратели делились по сумме уплачиваемых сборов на три собрания, от каждого из которых выбиралось равное количество городских гласных. Благодаря этому наиболее состоятельным горожанам обеспечивалось приоритетное представительство³⁹.

Городовое положение 1892 г. установило точные размеры имущественного ценза. Для того, чтобы участвовать в выборах, необходимо было не менее года владеть облагаемым в пользу города сбором недвижимым имуществом, минимальная оценочная стоимость которого в зависимости от статуса города составляла от 300 до 3 тысяч руб., либо содержать в столицах на основе приобретенного свидетельства торгово-промышленное предприятие первой гильдии, в остальных городах – первой и второй гильдии⁴⁰.

³⁷ ПСЗРИ-2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 1. С. 831.

³⁸ ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12. С. 439.

³⁹ ПСЗРИ-2. СПб., 1874. Т. 45. Отд. 1. С. 825–826.

⁴⁰ ПСЗРИ-3. СПб., 1895. Т. 12. С. 437.

Среди мусульман-горожан Вятской губернии обладателей необходимого ценза было мало. Как отмечалось выше, в таких городах, как Елабуга, Малмыж, Сарапул, количество мусульман среди жителей было значительным. Несмотря на это, право быть избранными в городские думы получили очень немногие. В начале XX в. среди избирателей перечисленных городов мусульмане составляли всего от трех до семи процентов. Находясь на избирательных собраниях в абсолютном меньшинстве при достаточно большом по сравнению с земскими выборами по цензовым куриям общем количестве городских избирателей, мусульманские представители крайне редко проходили в состав местных городских дум. Так, в 1871 г. гласным Малмыжской городской думы первого созыва был избран купец второй гильдии Б.Ш. Ишмуратов.

Интересные выводы о распространении предпринимательства у мусульман Вятской губернии позволяет сделать анализ списков избирателей, которые публиковались в газете «Вятские губернские ведомости». В Елабуге и Сарапуле избиратели-мусульмане были представлены преимущественно крестьянами. В 1901 г. в Елабуге из восьми мусульман, обладавших избирательным правом, шестеро являлись крестьянами, в Сарапуле – четверо из пяти человек. И только в Малмыже на пять избирателей-мусульман приходился один крестьянин. Среди других мусульманских избирателей были купцы М.-Г. Нафиков и А.-Л. Хакимов и мещане М.К. Музафаров и У. Маннафов. Избирателей из крестьян представлял Г. Хамидуллин, который, как указывалось ранее, начиная с 1903 г., неоднократно становился земским гласным. В список городских избирателей он был включен как обладатель промыслового свидетельства второго разряда на торговое предприятие и недвижимого имущества оценочной стоимостью в 600 руб⁴¹. Как отмечает В.Г. Рафиков, свою предпринимательскую деятельность Г. Хамидуллин начинал с мелкой лавочной торговли в деревне Старый Ирюк и Малмыже. Торговля куриным яйцом позволила ему освоить не только губернский, но российский и даже зарубежные рынки⁴². При этом успешная предпринимательская деятельность давала возможность Г. Хамидуллину тратить средства на благотворительность и проявлять активность на общественном поприще, участвуя в городских и земских выборах.

⁴¹ Список лиц, имеющих право участвовать в выборах гласных Малмыжской городской думы по силе ст. 24 Городового положения 11 июня 1892 г., на четырехлетие с 1902 г. Особое приложение к № 65 «Вятских губернских ведомостей», официальной части 1901 г. // Вятские губернские ведомости. 1901. № 65. С. 1–2 [9–10].

⁴² Рафиков А.М. Новые исследовательские подходы к изучению истории татарского купечества Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1. С. 58.

Современники отмечали склонность татарских крестьян к занятию торговлей, иногда даже в ущерб земледелию. Наличие среди городских избирателей-мусульман крестьян свидетельствует о том, что предпринимательская деятельность некоторых из них была достаточно успешной и позволяла им перебираться в город, вести там торговлю, приобретать дома. Однако в большинстве своем татары Вятской губернии относились к мелким и средним предпринимателям, ориентированным на сферу торговли. Владельцев крупных промышленных предприятий и капиталов среди них было мало. Подобный уровень развития предпринимательства в рассматриваемый период сказался на незначительной численности мусульман среди обладателей необходимого имущественного ценза для избрания в городские гласные. И если в земских собраниях Елабужского, Малмыжского, Сарапульского, Уржумского уездов мусульмане присутствовали достаточно регулярно, то в соответствующих городских думах они появлялись крайне редко.

Выводы

Формирование мусульманского представительства в органах самоуправления Вятской губернии отражало как общую ситуацию, сложившуюся в Российской империи и во многом определявшуюся правовыми нормами, так и региональные особенности. Реформы второй половины XIX – начала XX в. способствовали включению мусульманских народов в число избирателей. Законодательные ограничения для участия граждан Российской империи нехристианских конфессий в выборах были отменены только в Городовом положении 1870 г.

Пример Вятской губернии показывает, что потребность в обращении к этой норме могла и не возникнуть. Городское и земское избирательное законодательство регулировало представительство от разных социальных групп с помощью установления имущественного ценза, количества гласных, способа проведения выборов, механизма утверждения отдельных категорий кандидатов и др. Все это приводило к тому, что проживание на территории мусульманских народов еще не гарантировало им равноценного участия в общественном самоуправлении разных уровней.

В Вятской губернии Елабужский и Малмыжский уезды, имея примерно равную долю мусульман в структуре населения, отличались по степени их участия в земских собраниях. Наличие в первом достаточного количества избирателей не только среди крестьян, но и среди обладателей необходимого имущественного ценза обеспечили хорошее представительство

мусульман в земстве. Малмыжский уезд смог добиться этих показателей только в начале XX в., когда были отменены ограничения избирательных прав крестьян.

Установленный Городовым положением имущественный ценз оказался высоким для основной части мусульман Вятской губернии. Численное меньшинство среди избирателей также не способствовало регулярному участию мусульманских представителей в работе городских дум края.

Но напрямую состав населения влиял только на крестьянские органы. В волостях, где количество мусульман приближалось к 100%, они занимали выборные должности. В смешанных по составу населения районах это было возможно в отношении лишь некоторых выборных должностей и при этом было обусловлено рядом дополнительных факторов (в том числе долей мусульман на волостных сходах, личными качествами и авторитетом кандидата, позицией волостных сходоу, земских начальников, губернатора).

© Субботина А.М., 2018

Рукопись поступила: 11 апреля 2018 г.

Submitted: 11 April 2018

References

- Alieva, S.I., and Kuliev, F.M. “Zakonotvorcheskaya deyatel’nost’ deputatov-musul’man v Gosudarstvennoy dume rossiyskoy imperii (1906–1917 gg.)” [Legislative activity of Muslim deputies in the state Duma of the Russian Empire (1906–1917.)] *Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 3 (2017): 5–8 (in Russian).
- Azamatova, G.B. “Zemskoe samoupravlenie na Yuzhnom Urale: opyt realizacii i regional’nye osobennosti (1874–1917 gody).” [Territorial self-government in the South Urals: the experience of implementation and regional characteristics (1874–1917)] *Magistra Vitae: the electronic journal for historical Sciences and archaeology*, no. 6 (2015): 57–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24075310> (in Russian).
- Bulova, G.V. “Pravovye aspekty deyatel’nosti volostnyh i sel’skih dolzhnostnyh lits krest’yanskogo samoupravleniya vo vtoroy polovine XIX v.” [Legal aspects of township and village officials and peasant self-government during the second half of the 19th century] *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 8 (2011): 47–52 (in Russian).
- Iskhakov, S.M. “Mirovaya vojna i musul’manskaya obshchestvennost’ v Rossii.” [World war I and the Muslim community in Russia] *Vestnik Tver State University. Seriya: History*, no. 4 (2014): 23–37 (in Russian).

- Kirmse, S.B. “New Courts in Late Tsarist Russia: On Imperial Representation and Muslim Participation.” *Journal of Modern European History* 11, no. 2 (2013): 243–263. https://doi.org/10.17104/1611-8944_2013_2_243 (in Russian).
- Kutlugallyamov, M. “Deputat ot naroda. U istokov parlamentarizma v Rossii.” [Deputy from people. At the origins of parliamentarism in Russia] *Vatandash* [Compatriot], no. 9 (2017): 3–32 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Predstaviteli Stepnogo kraia i Turkestana v rossiyskom parlamente: opyt fraktsionnogo vzaimodeystviya v reshenii regional’nyh etnosotsial’nyh problem.” [Representatives of the Steppe region and Turkestan in the Russian Parliament: experience of fractional interaction in solving regional ethnic and social problems] *Bylye gody* 44, no. 2 (2017): 616–624. <https://doi.org/10.13187/bg.2017.2.616> (in Russian).
- Mysh, M.I. *Polozhenie o zemskih uchrezhdeniyah so vseimi odnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel’svennymi raz’yasneniyami* [Regulations on the Zemstvo institutions with all the related laws, judicial and governmental explanations]. St. Petersburg: N.A. Lebedeva’s Press, 1883 (in Russian).
- *Polozhenie o zemskih uchrezhdeniyah 12 iyunya 1890 g. so vseimi odnosyashchimisya k nemu uzakonenyami, sudebnymi i pravitel’svennymi raz’yasneniyami* [Regulations on the Zemstvo institutions with all the related laws, judicial and governmental explanations]. 2nd ed. St. Petersburg: N.A. Lebedev’s Press, 1896 (in Russian).
- Naganawa, N. “Transimperial Muslims, the Modernizing State, and Local Politics in the Late Imperial Volga-Ural Region.” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18, no. 2 (2017): 417–436. <https://doi.org/10.1353/kri.2017.0027> (in Russian).
- Nurminsky, S. “Statisticheskie svedeniya po tserkovnym prihodam Urzhumskogo uезда. (Okonchanie).” [Statistical data on Church parishes of the Urzhumsky district (End)] *Vyatskie gubernskie vedomosti*, no. 39 (1871): 4 (in Russian).
- Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii i kalendar’ na 1907 g.* [Memorial book of Vyatka province and calendar for 1907], 24–29. Vyatka: Gubernskaya tipografiya Press, 1907 (in Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* – 2 (thereafter – PSZRI-2) [Full collection of laws of the Russian Empire]. Vol. 36. St. Petersburg: [S.n.], 1863 (in Russian).
- PSZRI-2. Vol. 36. St. Petersburg: [S.n.], 1863 (in Russian).
- PSZRI-2. Vol. 45. St. Petersburg: [S.n.], 1874 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 12. St. Petersburg: [S.n.], 1895 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 26. St. Petersburg: [S.n.], 1909 (in Russian).
- PSZRI-3. Vol. 9. St. Petersburg: [S.n.], 1891 (in Russian).
- Rafikov, A.M. *Formirovanie i deyatel’nost’ tatarskogo kupechestva v Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Formation and activity of Tatar merchants in Vyatka province in the second half of 19th – early 20th century]. Ph.D. diss., P.G. Demidov Yaroslavl State University, 2012 (in Russian).
- “Novye issledovatel’skie podhody k izucheniyu istorii tatarskogo kupechestva Vyatskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.” [New research approaches to the study of the history of the Tatar merchants of the Vyatka province in the second

- half of the 19th – early 20th century] *Herald of Vyatka State University*, no 1 (2013): 53–60 (in Russian).
- Salikhov, R.R. *Obshchestvenno-reformatorskaya deyatel'nost' tatarskoy burzhuazii Kazani (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Social-reformatory activity of the Tatar bourgeoisie of Kazan (second half of 19th – early 20th centuries)]. Ph.D. thesis, Al-Farabi Kazakh National University, 1998 (in Russian).
- Sarapul'skiy uezd. Podvornaya opis'. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii* [Sarapulsky County. Household inventory. Materials of the statistics Vyatskaya provinces]. Vol. 7, parts 2–3, 51–55. Vyatka: [S.n.], 1892 (in Russian).
- Spisok lits, imeyushchih pravo uchastvovat' v vyborah glasnyh Malmyzhskoy gorodskoy dumy po sile st. 24 Gorodovogo polozheniya 11 iyunya 1892 g., na chetyrekhetie s 1902 g. Osoboe prilozhenie k № 65 «Vyatskih gubernskih vedomostey», ofitsial'noy chasti 1901 g.* [The list of persons entitled to participate in the elections of vowels of the Male city Council by virtue of article 24 of the City regulations of June 11, 1892, for the fourth anniversary since 1902. Special Annex to No. 65 “Vyatka provincial Gazette”, the official part of 1901] *Vyatskie gubernskie vedomosti*, no. 65 (1901): 9–10 (in Russian).
- Subbotina, A.M. “Sotsial'no-demograficheskaya karakteristika krest'yanskih glasnyh zemskih sobraniy 1890-h gg. Po materialam Gosudarstvennogo arhiva Kirovskoy oblasti.” [Socio-demographic characteristics of farm households vowels of the provincial Assembly of the 1890s According to the materials of the State archive of the Kirov region] *Herald of an archivist*, no. 4 (2017): 183–193. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2017-4-183-193> (in Russian).
- Tsiunchuk, R.A. “Natsional'nyy vopros v Gosudarstvennoy dume nakanune i vo vremya Pervoy mirovoy voyny.” [National issue in the state Duma on the eve and during the First world war] *Russian history*, no. 5 (2014): 91–109 (in Russian).
- Urzhumskiy uezd. Materialy po statistike Vyatskoy gubernii* [Urzhumsky district. Materials of the statistics Vyatskaya provinces]. Vol. 2, part 2, tables 2, 80. Vyatka: [S.n.], 1892 (in Russian).
- Usmanova, D.M. “Musul'manskie deputaty v Gosudarstvennoy dume (1906–1917 gg.): novaya politicheskaya elita v Rossiyskoy imperii.” [Muslim deputies in the state Duma (1906–1917): new political elite in the Russian Empire] *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Series: Humanities*. Vol. 115, book 3, part 1, (2013): 113–124 (in Russian).
- Vladimirova, L.M. “Uchastie musul'man-glasnyh v deyatel'nosti Samarskogo zemstva.” [Participation of Muslim vowels in the activities of the Samara Zemstvo] *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya*, 338–346. Vol. 2. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2011 (in Russian).
- *Samarskoe zemstvo i krest'yane-musul'mane gubernii (1865–1914 gg.)* [Samara Zemstvo and Muslim peasants of the province (1865–1914)]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2016 (in Russian).
- Zadereychuk, A.A. “Izbitatel'nye kampanii v organy zemskogo samoupravleniya Tavricheskoy gubernii: krymsko-tatarskaya spetsifika.” [The election campaign in the bodies of territorial self-government of Tauride province: Crimean Tatar

specificity] *Prostranstvo i vremya* 12, no. 1. <https://elibrary.ru/item.asp?id=26184299> (in Russian).

——— “Uchastie krymskih tatar v Tavricheskom gubernskom zemskom sobranii.” [The participation of Crimean Tatars in Tauride province Zemstvo Assembly] *Scientific works of the historical faculty of Zaporizhzhya National University*, no. 35 (2013): 69–74 (in Russian).

Zigangirova, G.R. *Sistema organov mestnogo samoupravleniya Kazanskoj gubernii v seredine XIX – nachale XX vv. (organizatsiya i mesto v obshchestvenno-politicheskoy zhizni)* [The system of local governments of Kazan province in the mid-19th – early 20th centuries (organization and place in social and political life)]. Ph.D. thesis, Al-Farabi Kazakh National University, 2003 (in Russian).

Archives

Gosudarstvennyy arhiv Kirovskoy oblasti (thereafter – GAKO) [State Archive of the Kirov Region], f. 584, op. 4, d. 1731, ll. 65–66, 169–170.

GAKO, f. 582, op. 122. d. 21, l. 146 ob. (in Russian).

GAKO, f. 582, op. 122. d. 43, ll. 102–105 (in Russian).

GAKO, f. 582, op. 122. d. 8, ll. 26, 146 ob. (in Russian).

Muslim representatives in self-government of Russian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of Vyatka province)

Anna M. Subbotina

Udmurt Institute of History, Language and Literature

Udmurt Federal Research Centre

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

4, Lomonosova St., Izhevsk, Russia, 426004

anmisu@yandex.com; annnamisu@gmail.com

Abstract: The author explores the issue of the participation of Muslim representatives in the zemstvo, volost (parish) and city self-government of the Vyatka province of the Russian Empire in 1860–1916. The study of the situation in the Vyatka province shows the legal status of Muslims in those Russian territories where Islam was spread. The main materials of the study were the documents of the State archive of the Kirov Region and local periodicals. Muslims in the region were Tatars and Bashkirs. Their number varied in different districts of the province. The author makes a comparative analysis of the participation of Muslims in the volost, zemstvo and city self-government. The researcher claims that in the Muslim districts of the province their representatives participated in the self-government of different levels. However, there was no direct correlation between the number of the Muslim

population and the number of Muslim representatives in city councils, zemstvo and volost boards. Various factors influenced the election of Tatars and Bashkirs to self-government bodies. Legislative acts established legal norms for the formation of a representative office. The maximum proportion of non-Christians was only in city assemblies. The final result was also influenced by the number of Muslims among voters of different categories, the authority of candidates, the position of the electoral assemblies and the local administration. To a greater extent, the composition of the population reflected the zemstvo and volost self-government. It was a small number of Muslim citizens among owners of the property which became the reason for their weak participation in the city municipal Duma.

Keywords: Muslims, Tatars, Bashkirs, zemstvo, municipal Duma, volost headman, Vyatka province

For citation: Subbotina, Anna M. “Muslim representatives in self-government of Russian regions in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on the materials of Vyatka province).” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2018): 639–660. DOI: 10.22363/2312-8674-2018-17-3-639-660